

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-203-219>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Ю.Н. Кондракова

г. Москва, Россия

© 2025 г. Е.В. Андреева

г. Москва, Россия

© 2025 г. Г.Т. Гарипова

г. Москва, Россия

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ: ДОЙВБЕР ЛЕВИН И ЕГО «ДЕСЯТЬ ВАГОНОВ»

Аннотация: В статье рассматривается проблема социокультурной *реставрации* и научно-исследовательской *реконструкции* писателей, чье творчество было знаковым для развития русского литературного процесса XX в., но в силу историко-политических причин предано забвению. Феномен «возвращенной литературы» в статье представлен произведениями уникального прозаика, изъятого из истории русского литературного андеграунда 20–30 гг., Дойвбера (Бориса Михайловича) Левина (1904–1941 гг.), репрезентирующего авторскую исторософскую концепцию русско-еврейского художественного *нарратива катастроф*. Одна из важнейших в этом плане повестей «Десять вагонов» рассматривается в рамках эстетической авторской концепции «прозы о еврейской жизни», что позволяет наметить перспективу историко-литературных приоритетных аналитических векторов в дальнейшем изучении творчества «забытого» писателя. Проанализированы формальные и содержательные аспекты «вагонного» хронотопа в поэтике повести, принципов транскультурного и транслингвального моделирования «еврейского мира», особенностей образно-метафорической и жанрово-стилевой системы. Референциально высвечиваются библейские мифоконнотации, выявляется провиденциальная семантика. В статье исследуются дискуссионные проблемы идентификации феномена транскультурной литературы, определяется возможность связать их с идентификацией творчества Дойвбера Левина, по этническим и языковым характеристикам вполне соотносимого с критериями транскультурной литературы.

Ключевые слова: Дойвбер Левин, повесть «Десять вагонов», циклообразование, авторская исторософия, проза еврейской жизни, транскультурная литература.

Информация об авторах:

Юлия Николаевна Кондракова — кандидат филологических наук, доцент, ведущий кафедрой филологии и лингвокультурологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Садовническая ул., д. 35, стр. 2, 115035 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1296-675X>

E-mail: kondrakova.yulia@gmail.com

Елизавета Владимировна Андреева — магистрантка 1 курса, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Садовническая ул., д. 35, стр. 2, 115035 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-5628-1436>

E-mail: elizandreeva@inbox.ru

Гульчира Талгатовна Гарипова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 3, 121069 г. Москва, Россия, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2, 117198 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7675-2570>

E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Дата поступления статьи: 07.05.2024

Дата одобрения рецензентами: 01.12.2024

Дата публикации: 25.06.2025

Для цитирования: Кондракова Ю.Н., Андреева Е.В., Гарипова Г.Т. Возвращение из небытия: Дойвбер Левин и его «Десять вагонов» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 76. С. 203–219. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-203-219>

В гуманитарной научной парадигме знаний XXI в. особую актуальность приобретает исследовательское направление, связанное с социокультурной *реставрацией* и научно-исследовательской *реконструкцией* корпуса «забытых имен», исключенных из культурного процесса XX в. в силу историко-политических причин. Возвращение манифестарных писателей раннесоветского периода, фактов их биографии и творчества в читательское и в исследовательское поле постсоветской эпохи может стать также основанием для конкретизации *реальной объективной* истории русской литературы XX в., идентификации ключевых тенденций как направленного, так и мировоззренческого планов феномена «возвращенной литературы».

Одним из таких несправедливо «забытых» писателей, исключенных из истории русского литературного андеграунда 20–30 гг. XX в., является Дойвбер Левин, настоящее имя — Борис Михайлович, годы жизни: 1904–1941 гг. До сих пор его жизнь и творчество мало изучены, «возвращение» его имени, научно-исследовательская реставрация авторской эстетической системы, определение роли в истории русской литературы XX–XXI вв. только начинается. При том, что Дойвбер Левин был не просто активным участником группы ОБЭРИУ, но и одним из ее теоретиков, оказавшим *значительное* влияние на формирование эстетической системы объединения, в том числе и театральной концепции. Не случайно ему часто поручали организацию программных «театрализованных вечеров», как пишет Жан-Филипп Жаккар:

Что касается программы вечера и манеры, в какой он должен был проходить, его можно поставить в ряд шумных вечеров этого десятилетия и не только из-за «принципа театрализации», который был всеобщим для этой группы. Именно этот принцип толкнул Хармса пойти объявить о вечере с высоты карниза Дома книги. Театрализация, указанная уже в подзаголовке программы («театрализованный вечер»), была доверена Дойвберу Левину [7, с. 189].

Несмотря на то что Левин входил в «ядро» обэриутского движения с момента его основания в 1926 г. (сначала под названием «Левый фланг» и затем «Радикс»¹) и был активным участником объединения, его имя всегда замыкало цепочку «Хармс, Введенский, Заболоцкий, Вагинов, Владимиров, Бахтерев». Он считался одним из идеологов группы, и его именем, наряду с именем Д.И. Хармса (настоящая фамилия Ювачев), подписан целый ряд манифестов движения, в том числе и «Радикса». Исследователи отмечают, что один из декларативных текстов обэриутов был создан именно при участии Дойвбера Левина, что свидетельствует о его манифестарном влиянии на становление поэтики «театральных элементов» у обэриутов:

Часть «Театр ОБЭРИУ» была составлена Дойвбером Левиным и Бахтеревым, судя по воспоминаниям последнего, почти год спустя после нескольких фраз «Радикса»... <... > В первых строчках авторы показывают, что театр есть не что иное, как совокупность составных элементов представления: два человека, которые спорят с помощью знаков и надувания щек, полотно, представляющее деревню, игра света, самовар, кипящий и выпускающий две руки вместо пара, и т. д. — все это — «театральные элементы»... [7, с. 209].

Важно отметить значение именно прозаического опыта Левина, объясняющего особую театральную стратегию обэриутов, когда «эти элементы были традиционно подчинены драматическому сюжету, и пьесы, в основном, сводились к рассказу, постановка которого всего-навсего служила разъяснению хода событий: «До сих пор все эти элементы подчинялись драматическому сюжету — пьесе. Пьеса — это рассказ в лицах о каком-либо происшествии. И на сцене все делают для того, чтобы яснее, понятнее и ближе к жизни объяснить смысл и ход этого происшествия. Однако театр совсем в другом: он — в соединении всех элементов спектакля по отношению к сюжету пьесы» [7, с. 209].

Русский советский писатель и поэт, драматург, участник объединения ОБЭРИУ Игорь Бахтерев в примечаниях к дневникам Хармса, опубликованным в 1990 г., отмечал важнейшее влияние рассказов Дойвбера Левина на прозу и драматургию обэриутов в целом, и Хармса в частности [17]. Исследователь Алексей Киселев пишет, что состав объединения постоянно менялся, но «постоянными обэриутами от начала до конца, помимо организатора Хармса и пассивно-солидарного Введенского, по всей видимости, были только юный Игорь Бахтерев и студенты ГИИИ Александр Разумовский и Дойвбер Левин» [8].

Теперь наступает период не только возвращения имени Дойвбера Левина в русскую литературу XX в., но и изучения его творческой системы, авторской поэтики и способов художественного миромоделирования. В этом и состоит *актуальность* представленного исследования. *Новизна* заключена в отсутствии в современном литературоведении аналитики творческого феномена Дойвбера Левина и осмысления авторской поэтики.

Возможно, в свое время именно эта искусственно созданная «неизвестность», по мнению исследователя В.А. Дымшица, дала шанс не умереть при жизни в советской послевоенной опале на экспериментальное искусство «самому успешному, а по смерти самому забытому из обэриутов»:

¹ Хармс и Введенский в 1926 г. организовали театральную группу «Радикс», которая поставила пьесу «Моя мама вся в часах» по их произведению и под руководством Казимира Малевича. Текст пьесы не сохранился.

Есть люди, чьи имена упоминаются часто, но никогда — в начале предложения. Перед их именем всегда стоит запятая, после — тоже, а иногда невнятное «и др.». Именно такое место занимает имя Дойвбера (Бориса Михайловича) Левина в любой книге, любой статье об обэриутах. Он всегда упоминается в списке участников этой литературной группы, но всегда *только* в списке. Ни одна из книг писателя не была переиздана после его гибели на фронте, ни одна его строчка не вышла в свет после начала перестройки, его произведения даже не включены в обэриутские антологии, выходявшие в последние годы. Это тем более удивительно, что в 1990 г. близкий друг Левина Даниил Хармс стал культовой фигурой, а еврейская тема, с которой тесно связано творчество Левина, — востребованной. Настало время вернуть книги Дойвбера Левина читателям, тем более что в 1930 годы они выходили большими тиражами и, несомненно, есть в любой хорошей библиотеке [6].

Все главные произведения Левина, написанные в 1930 г., связаны с еврейской темой: «Десять вагонов» (1931), «Вольные штаты Славичи» (1932), «Улица сапожников» (1932), «Лихово» (1934). Это своеобразная, оригинальная и зрелая проза уже состоявшегося писателя. Несмотря на соответствие определенным задачам и идеологическим принципам соцреализма, в результате чего ряд произведений были опубликованы уже в первые годы советской власти, творчество Левина в читательском поле советской России не закрепилось, что привело к постепенному его забвению и утере наиболее ярких манифестарных текстов. По мнению исследователей, «именно исчезновение “обэриутской” прозы Левина сделало его имя непривлекательным для исследователей творчества обэриутов, привыкших к мысли о том, что только неподцензурная литература представляет существенный интерес. До нас же дошли лишь опубликованные произведения Левина, написанные им, главным образом, для подростков. С другой стороны, действие большинства произведений Левина происходит в еврейской среде. В результате, его книги, очень популярные в Советском Союзе до Второй мировой войны, стали “неудобными” для републикации в годы послевоенного государственного антисемитизма. Так писатель Дойвбер Левин оказался потерянным и “первой”, и “второй” культурами» [6].

В детстве писатель говорил только на идиш. Но имея огромное желание, самостоятельно овладел русским языком. Его взрослая обэриутская книга «Похождение Феокрита», к сожалению, не сохранилась [6]. Но можно уверенно говорить, что именно цикл «еврейских рассказов» сыграл важнейшую роль в том, что имя писателя, его творчество сегодня находятся на стадии реставрации² и активно встраиваются в современное научно-исследовательское поле.

Задачи нашего исследования — реконструировать авторский портрет писателя Дойвбера Левина, восстановить его роль в истории русской андеграундной литературы первой волны, идентифицировать принципы эстетической концепции в рамках «прозы о еврейской жизни», наметить перспективу историко-литературных приоритетных аналитических векторов в дальнейшем изучении творчества писателя.

² В рамках представленной статьи мы конкретизируем понятия 1) историко-литературная реставрация — возвращение забытых имен и/или неизвестных фактов биографии известных имен в научно-исследовательское и литературное поле современного культурного процесса; 2) литературная реконструкция — воссоздание авторского «портрета» писателя, рецептивное перепрочтение его художественных текстов с задачами идентификации принципов поэтики.

Повесть «Десять вагонов»: две редакции и два прочтения

В 1931 г. была опубликована³ повесть «Десять вагонов» [14, 15, 16] о ленинградском еврейском детском доме при школе, которой руководил музыкант, педагог и фольклорист Зиновий Аронович Кисельгоф. Книга композиционно организована как цикл рассказов-воспоминаний детей о жизни в детских домах-приютах и местах, куда их заносила судьба, об ужасах гражданской войны и погромов. Это особый формат *нарратива катастрофы* имеет важное историко-культурное значение в целом и для понимания авторской поэтики Левина, в частности.

Среди утраченных и обретенных произведений писателя цикл небольших рассказов о еврейской жизни занимает особое место. Евгений Коган замечает, что «его “Десять вагонов”, чей первый абзац поразительно похож на первый абзац вышедшего позже романа Булгакова “Мастер и Маргарита”, были пропагандистским пересказом историй, рассказанных детьми из еврейского детского дома, двум странным людям, попавшим туда случайно во время дождя — самому Левину и его долговязому другу, в котором угадывается Хармс. Книга “Десять вагонов”, так получилось, оказалась первой — именно с нее началось наше знакомство с Левиным, которого не переиздавали с тридцатых» [9].

Примечательно, что «Десять вагонов» публиковались за недолгий промежуток в 1930 гг. в двух редакциях — 1931 и 1933 гг. — обе из которых авторские, но второй вариант сложился не столько по воле писателя, сколько из-за внешних обстоятельств, которые были описаны уже в современный период⁴.

В 1931 г. Хармсу выдвигают политическое обвинение и в 1932 г. ссылают в Курск. Его легко узнаваемую фигуру пришлось изъять из книги, а вместе с этим и многие фрагменты описания хедерной жизни и хедерных шалостей, довоенных историй из жизни еврейского местечка, ввиду чего объем книги значительно сократился. Некоторые изменения можно связать с тем, что описание чисто еврейского быта не подходило духу времени, большие фрагменты текста были исключены без очевидных причин.

Вторая редакция вышла менее «кровавой» и, вместе с тем, гораздо менее исторически объективной и детализированной, чем первая. «Исправленная» книга получилась более соответствующей идеологическим канонам времени, ориентированной на дидактические задачи в воспитании нового поколения. Книга предназначалась для «детского и подросткового чтения», что определило ее целевую аудиторию, хотя авторская концепция бытописания жизни еврейских детей, ставших в ходе ужасов Гражданской войны беспризорниками, не подходила для младшей аудитории. В попытке сделать повесть «мягче», автор удалил и/или упростил многие сцены, важные для историософской авторской концепции. Например, из второй редакции полностью исчез юмористический и в то же время пугающий эпизод главы «Эшелон», когда десятивагонный «сиротский» состав переехал свинью:

³ В первом издании 1931 г. и во втором издании 1933 г. книга имеет жанровое определение «повесть»; в третьем издании 2016 г. / переиздание 2021 г. жанровая дефиниция «повесть» дополняется серийным обозначением книги — (Серия «Проза еврейской жизни»).

⁴ В изложении общих сведений о первой публикации и второй републикации мы опирались на доклад Валерия Дымшица «Две редакции книги “Десять вагонов” Дойвбера Левина», который был прочитан на 23 Ежегодной международной конференции по иудаике (31 января – 2 февраля 2016 г.) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2jAQgKszZrI> (дата обращения: 07.02.2024).

Мы побежали к машинисту. — Что случилось? Чего встал? — кричим ему. А он стоит бледный, с фонарем в руке. — Перерезал кого-то, — говорит. <...> Мы полезли под паровоз, пощупали. В самом деле, кого-то переехали. Между колесами застряло тело, еще теплое и в крови. Но тело странное какое-то: шершавое, как бы в волосах все. <...> — Дурак! — прохрипел начальник из-под паровоза. — Ты свинью перерезал. Машинист повеселел. Поезд тронулся и поехал еще шибче. Но скоро опять стал: от трения загорелись колеса [14, с. 38–39].

Первая редакция пестрит сценами особой жестокости из довоенных воспоминаний воспитанников детского дома. Так, в главе «Приключения Натана Шостака» есть описание смерти родителей Натана, убитых белыми в один роковой день при вступлении в деревню:

Отец отбивался, кричал, но офицер, отскочив, торопливо скомандовал: «Пли!» Грянул залп. Отец вытаращил глаза, как будто хотел что-то сказать, но упал на землю. Он был мертв. <...> Мать была в жару, всю ночь бредила и к утру, родив мертвого ребенка, умерла. Мы остались одни [14, с. 46].

Во второй редакции читаем:

— Отца — сказал Натан Шостак, — убили белые. Мать скоро после того умерла [16, с. 32].

Сцены жестоких и молниеносных набегов белых во многом «сглажены» в редакции 1933 г. В главе «Махновцы и деникинцы» Ошер Айзберг о смерти матери, в которую деникинец выстрелил «не целясь», рассказывает словно с позиции стороннего наблюдателя:

Пуля попала маме в грудь. Мать упала. Я побежал на улицу. — Караул, спасите! — кричал я. Но никто меня не заметил. На улице стреляли, расстреливали, убивали [16, с. 79–80].

В первой редакции ужас героя, так внезапно потерявшего мать, и хаос в местечке, еще недавно мирном, описаны как экзистенциальная трагедия ребенка, сопровождающего рассказ эмоциональным переживанием происходящего. Двойное использование лексемы «крик» акцентирует весь ужас эпизода, — крик матери в предсмертной агонии словно эхом отразился в крике ребенка:

Пуля попала маме в грудь. Мать, вскрикнув, упала на пол. Я побежал на улицу с криком: — Караул! Спасайте! — Но никто меня не заметил. На улице шел бой. Кто, стоя на коленях, молил о пощаде, а кто убегал и за ним гнался солдат с оружием [14, с. 156].

Исчезли не только сцены нападений. В главе «Беспризорники» Мишка Вербов рассказывает, как ему жилось на Волге:

Целый год в Саратове проваландался. Голодал там, как собака. Крыс жрал. — Как «крыс»? — удивился Хлопушкин. — Ну так, жарили и ели ... Как-то раз вечером лежим мы с Меером, дохлые от голода, зубами лязгаем, а вокруг шуршат крысы, бегают, пищат, скребутся. <...> Он вскочил <...> Вдруг ударило о пол полено, и сразу же взвизгнула крыса. <...> — А теперь, — сказал Меер, взяв убитых крыс за хвосты, — а теперь ужин приготовим. <...> Месяца два потом мы жрали крыс. Вначале было очень противно, тошнило даже. А потом ничего — привык [14, с. 209–210].

Во второй редакции нет ни удручающего описания кишашего крысами подвала, в котором жили дети, ни описания «охоты» на крыс и приготовления «добычи»:

— Год целый в Саратове болтался. Голодал, брат ты мой, что твоя собака. Крыс жрал.

— Как крыс? — удивился Ледин.

— Ну так, жарили и ели, — сказал Мишка. — Я тогда с Меером ходил. Приятель у меня был такой. Гопничали вместе. Жили мы в подвале, жрать нечего было. А еще говорят — Волга [16, с. 109].

Исчезли из второй редакции образы женщин, мягко говоря, руководивших своими мужьями, взявших на себя их роль добытчика и защитника, или просто обезумевших от жизни впроголодь. Например, мы не найдем в книге 1933 г. красочного описания тети Натана Шостака — беспринципной женщины, ставшей такой с целью выжить и обеспечить существование своей семье:

На вид тихая, болезненная, в чем душа держится, на деле была цепкой, изворотливой бабой. Весь дом, даже дядю, голодера, скандалиста, держала в ежовых рукавицах [14, с. 49].

В новой редакции: «На вид — тихая, слабая, а на деле так холерная баба» [16, с. 23]. Из главы «Потешный бой» исчез образ жены раввина Йошке:

Поговаривали про ребе, что ребецн — жена его, высокая костлявая старуха — бьет его смертным боем. Поэтому он нас так поздно держит. Не станет же она бить его при нас! [14, с. 180].

С одной стороны, жестокая ребецн не подходила под «мягкий» характер книги для детей, которую пытались создать в 1933 г. С другой стороны, этот образ вместе с идишской глоссой включен в целый, полностью изъятый, эпизод хедерных шалостей еврейских мальчишек — части бытоописания жизни местечка. И таких отличий между первой и второй редакциями очень много. Несомненно, что вторая редакция идеологически была «причесана» и адаптирована под новые политические манифесты. И даже иноэтнокультурный текст в первой редакции был значительно шире. Многие реальные детали еврейского мира были исключены из редакции 1933 г., что вполне объяснимо с усилившейся антисемитской тенденцией этого периода. К середине 20 гг. руководство нового государства издало ряд антирелигиозных законов, на основании которых конфисковало еврейскую собственность, еврейские школы и синагоги, приспособив их в пропагандистские центры коммунистической идеологии. Из второй редакции исчез, например, образ синагоги как места-укрытия, где могли получить приют бродяги и нищие, которым больше некуда идти. Потерявший жену и двух дочек в ходе налета белых Шлойме, случайный спутник Натана Шостака, по прибытии в Бердичев спрашивает у Натана, для которого эти места родные:

— Ну, малец, будь здоров. Где тут синагога? Я сказал. — Пойду посплю, — устало проговорил Шлойме. Он, сгорбившись, побрел в синагогу [14, с. 61].

В уже упомянутой главе «Потешный бой» Борис Рутман описывает свой детский рай — беззаботную жизнь в еврейском местечке, с просторным, широким, заросшим густой травой двором за хедером (который сам по себе был для жаждущего развлечений мальчишки адом на земле), «а перемахнешь плетень — огороды <...> зрелые

дыни, тыквы, морковь. Ешь, обжирайся. Никто не смотрит. Никто не стережет» [14, с. 180]. В хедере нараспев тянули «одом — человек, ише — жена», изучая буквы еврейского алфавита. Для мальчиков идиш был эритажным языком — унаследованным языком когнитивного мышления и общения, а древнееврейский язык как важнейшая часть дискурса Торы (культурного кода еврейского народа) преподавался в хедере. В новой редакции мы встречаем значительно сокращенные сцены обучения в хедере, с акцентом на описание общей затхлой атмосферы, раввинов, особенно любивших изощренные истязания:

А у ребе был хедер — маленькая комната в синагоге. В хедере за длинным деревянным столом на двух длинных деревянных скамейках сидели восемнадцать человек ребят и я — девятнадцатый. Вокруг стола ходил ребе, сутулый, в ермолке, с кожаной плеткой в руках [16, с. 62].

В этом смысле первые воспитатели еврейского приюта не сильно отличались, напоминая скорее тюремных надзирателей:

...загонят мальчишек в большой зал, посадят кругом. Руки на колени! Ноги вместе! Голова вверх! Глаза навькат! Сидеть смирно! По кругу ходит воспитатель, отставной унтер, человек высокого роста, похожий ладом на турка, с усами такой длины, что хоть за уши закладывай. Ходит он по кругу и то и дело кричит: «Ррыскин! чего ерзаешь? Машков! голову вверх! Глядеть весело! Каплан! не горбиться! Сидеть прямо!» [14, с. 30].

Однако по авторской задумке короткое до-приютское детство будущих беспризорников стало для них тем редким пространством, в котором они были «своими». С началом Гражданской войны счастливый общинный мир еврейского местечка исчез. Герои-сироты и их случайные спутники, собеседники и воспитатели, чаяли надежду стать «своими», обрести свое место в советской миромодели. «Десять вагонов» полны утопических фантазий о будущей жизни. В главе «Эшелон» Семен (Симеон) Айнштейн рассказывает о петроградских мечтах воспитанников детского дома на юге:

Осенью 1920 года, по детскому дому, в котором я тогда жил, пошла молва о том, что всякий, кто только пожелает, может поехать в Петроград. <...> Пошли слухи, что в Петрограде нас будут кормить одним шоколадом, что утром вместо чаю будет мед, а вечером — сладкий кофе [14, с. 36].

Сирот погрузили в обыкновенные теплушки. В дороге они «пели песни, здоровались с крестьянами, попадавшимися на пути», а воинам они «махали шапками и кричали “ура”». Затем сирот поместили в санитарные вагоны — невиданное чудо — освещенные электричеством, в составе был вагон-кухня. Даже когда дорога затягивалась, потому что от состава отцепляли паровоз, дети не унывали:

Чтоб не терять попусту времени, мы начали готовить инсценировки к октябрьским торжествам. Мы собирались около станции на пустыре и тут под открытым небом репетировали [14, с. 38].

Принципы моделирования авторской историософии

Но в обеих редакциях сохранился важнейший для репрезентации авторской модели мира маргинальный хронотоп, обозначенный символикой образов «железная

дорога», «вагоны», «эшелон». В повести они выполняют функцию выстраивания особой модели отдельного «закрытого» мира, где еврейские дети чувствовали свое единство и родство, обретали веру в непрерывное счастье, которое их ждет в пункте назначения. Но их надежды были связаны именно с миром внешним, они стремились туда в поисках лучшей доли и своего личного пространства.

Этносимволисты [10] считают, например, что культурная идентичность — это результат, определяемый посредством преемственного ощущения истории и культурной памяти нации (этноса), которые находят свое воплощение в мифологии, символах. В погружении в мифокультуру этноса они видят путь спасения наций и мира в целом. Так, и в прозе Левина референциально высвечиваются библейские мифоконнотации, связанные с одним из самых известных эпизодов Ветхого Завета, когда многострадальный народ скитался в поисках земли обетованной по бесплодной пустыне целых 40 лет. Провиденциальной, однако, является именно числовая семантика хронотопа «десять вагонов». В иудаизме название первого десятка, как основы десятичной системы обладает полисемантической провиденциальной валентностью: 10 заповедей, 10 дней раскаяния, 10 как мера вознаграждения, десятина как священный налог, 10 испытаний Авраама, 10 поколений от Адама до Ноя и 10 поколений от Ноя до Авраама, 10 сфирот и др. Буквенное значение числа десять в языке иврит это буква ' (йуд), которая является первой буквой имени Всевышнего (тетраграммотона). Кроме того, число десять в Библии есть символ совершенства, законченности миропорядка «обетованной земли»: измерение Ноева ковчега, определение пространства Скинии (Исх. 26: 27); при построении Храма Соломона и проектированного Храма Иезекииля (3 Цар. 6: 3; Иез. 40: 42) и т. д.

Для писателя «десять вагонов» — это особая форма пограничного экзистенциального «единого» бытия, в котором появляется вера в будущее спасение. Поэтому особую функцию в повести выполняет символика переходного, но открытого, общего пространства. Символ эпохи — вокзалы — «днем и ночью ярко освещенные электричеством, кишели людьми» [14, с. 41]. Детям нравились вокзалы, попадая туда, они понимали, что их мир шире, чем детдом, вагон, что они должны и могут найти себе новый дом в этом большом мире. Это был их собственный личный путь к «обетованной земле», совпадающий во многом с путем еврейской нации к обретению своего пространства в новом советском мире.

Жанровые координаты повести «Десять вагонов» детерминированы не только спецификой циклообразования «сборник рассказов», концептуально связанных со сквозной темой «проза еврейской жизни»⁵, но и с темой детства. Идеологическая утопия «коллективного всеобщего счастья» была противопоставлена жестким реалиям пребывания в детском доме. Такое несоответствие лишь усиливает трагизм, пережитый еврейскими детьми. Так писатель девальвирует мысль о раннесоветской модели «счастливого детства» — одного из концептуальных идеологических лозунгов эпохи формирования коллективного коммунистического «светлого будущего». В повести подчеркнуто, что провиденция этого грядущего счастья иллюзорна, и, хотя фиксируется в книге в конкретных локусах возможной «земли обетованной» — детский дом на Васильевском острове, Ташкент, в котором можно сеять хлопок и т. д. — детдо-

⁵ Не случайно в издании книги 2016 г. именно так обозначена серийная номинация. Понятие «проза» в этом конкретном случае акцентирует два значения: 1) проза как родовидовая специфика произведения и 2) проза в идиоматической коннотации «проза жизни» — обыденность, повседневное, однообразное, будничное существование. Такие семантические коннотации усиливают катастрофичность, трагичность происходящего — катастрофа превращается в будничную рутину для еврейских детей, выживающих в эпоху исторической эсхатологии всей страны в целом и еврейского этноса в частности.

мовцы понимают невозможность его достижения. Не только дети мечтали о светлом будущем. Случайный попутчик Семена Айнштейна, Нохем Рубинчик, спасающийся бегством из местечка Сенцо, захваченного бандитами, то ли в попытке успокоить мальчика, потерявшего семью, то ли с искренней верой, пророчествовал, что люди «до звезд доберутся, до Марса, ведь добрались люди до Америки», что «не будет ни бандитов, ни погромов, ни войн», «тогда люди заживут как люди» [14, с. 18–19]. Идеология эта репрезентирована Левиным как эсхатология нового мира, постепенно разрушающая судьбы героев и в целом еврейского этноса в советской России. Образ будущего «светлого всеобщего счастья» превращается в несбыточную мечту.

Левин структурирует в повести особое хронотопическое пространство, построенное на соотношении настоящего с железной дорогой, с пребыванием в закрытых вагонах, и ожидаемого счастливого будущего с их отсутствием. Одним из важнейших условий обретения счастливого дома становится для евреев, взрослых и детей, отсутствие именно вагонного хронотопа, метафоризирующего «путь спасения», но для этого необходимо пережить эсхатологическое настоящее. Заведующий детской колонией для сирот и беспризорных Украины и Белоруссии, Вольф, успокаивая во время ночных беспорядков своих воспитанников, рассказывал, что в будущем «поездов не будет», «по всей стране тысячами будут летать самолеты», вырастут «дома из стекла, круглые, так, чтобы свету со всех сторон», «под Москвой — гляди — растет какао, под Калугой — пальмы шумят, бананы» [14, с. 68].

Исследователь Г.Д. Гачев, отмечая важнейшую роль хронотопических образов, связанных с историческим путем России, пишет, что «модель русского движения — дорога. Это основной организующий образ русской литературы» [4, с. 223]. В повести Левина вагонный хронотоп выполняет одновременно несколько функций, поскольку становится не только знаком катастрофических событий постреволюционной истории, становления советского мира, но и особого переломного времени в судьбах еврейского народа, ищущего в этом мире свое место, свое будущее. И.Г. Волович подчеркивает историософское значение подобной хронотопической модели, отмечая, что «в русской литературе со времен Некрасова хронотоп вагона/поезда и задающий его образ железной дороги (не просто дороги, а железной дороги со всеми ассоциациями и коннотациями, которые вносятся этим определением) наделены особой значимостью и получают ряд специфических черт. И объяснение здесь следует искать в особенностях как национальной ментальности, так и национальной истории» [3, с. 70]. Выделенные критиком две составляющие подобного хронотопа — «законовый» макрокосм и «внутривагонный» микрокосм — акцентируют возможность соотносить судьбу отдельного человека и истории, которая ее творит или разрушает. Так и Дойвбер Левин выстраивает архитектуру повести в системе общего исторического времени нового советского мира и особого экзистенциального «внутривагонного» мира еврейских детей, символизирующих настоящее целого народа.

Важно, что повесть «Десять вагонов» по форме рассчитана на детей, но по содержанию это не детский текст, даже несмотря на «преобразования» второго издания, изменившие не только характер повествования, но и исключившие моменты особой жестокости. «Десять вагонов» — книга о жизни еврейских мальчиков Украины и Белоруссии, ставших сиротами в ходе кровавых набегов на родные местечки махновцев, деникинцев и просто бандитов. Национальный «коллективный герой» должен преодолеть историю и возродить национальное самосознание. Идеологически книга словно соответствовала принципам литературного заказа на новую советскую героическую мифологию для поколения, родившегося и выросшего в годы Гражданской войны.

Левин создает особую картину мира, воплощающую авторские представления о новой исторической «советской эпохе», о роли ее идеологии в жизни еврейского народа, пытающегося вписаться в новую модель мира и сохранить при этом свой язык, свою национальную идентичность.

Образы воспитанников детского дома маргинальны в силу того, что большинство из них представлены как «герои пути», странники, бредущие в поисках своей земли, дома. В этом также чувствуется влияние традиционной для русской литературы темы странничества. В героях повести акцентируется их неукорененность, инаковость, связанная с еврейским этносом. Писатель словно встраивает историю этого периода из «прозы еврейской жизни» все в ту же целостную трагическую историю гонимого еврейского народа, с библейских веков бредущего в поисках земли обетованной. Иеня Малиновский после сложной дороги приезжает в обожаемый, величественный Петроград, который, как казалось жителям разоренных местечек, станет их вторым домом. Иеня попадает в детский дом, где, надеялся найти «своих». Однако, прибыв в город, он был поражен его масштабами, несопоставимыми с родными Калининскими. В мегаполисе не получится найти сестру Иту, спросив первого встречного, где она живет — да и непонятно, на каком языке спрашивать — родной идиш в новой среде едва ли мог служить средством коммуникации, но Иене не оставалось ничего другого, кроме как надеяться, что кто-то его поймет. Кондуктор трамвая, которому на просьбу предъявить билет Иеня ответил «вос зогт ир? Нат айх дем билет» («Что вы говорите? Держите билет») и попытался дать железнодорожный билет, выгнал его из трамвая. Дети, которых Иеня попытался окликнуть «эй, ятен!» даже не пошевелились и не взглянули на него [14, с. 203].

Важную роль в понимании скрытых смыслов играет особая внутриязыковая трансгрессия, проявленная не столько во взаимодействии двух неродственных языков — русского и идиша, сколько на уровне полиязыковой гибридизации способами транслитерации, транскрипции: вос зогт ир? Нат айх дем билет, эй, ятен! и т. д.

Подобная гибридность присутствует в речевых характеристиках практически всех героев-евреев. Писатель использует различные бифонные варианты трансязыковой культуры, создавая особую этнопоэтику личностной национально-этнической идентичности героев. Такой прием совершенно разрушает задачи акцентации на политической или гражданской идентичности «советского» ребенка. На наш взгляд, русско-еврейская транслитерация большого количества лексического материала в речевых портретах героев акцентирует в героях стремление к сохранению этнической самоидентификации. Так, Иеня ощущает себя не просто *чужим*, но и *другим* — в незнакомом большом мире, не зная его языка. Маргинальный еврейский мир местечка, который Иеня Малиновский «привез» с собой, не вписывается в реалии новой советской страны. Неудавшийся диалог на идише не зря приведен Левиным в оригинале — родной язык, родную культуру (классическая детская песня, которую поет Натан Шостак на идише, побираясь на базаре, выполняет ту же функцию) невозможно «втиснуть» в советскую миромодель, еврейский мир оказывается отвергнутым. Герои-сироты в вожделенном Петрограде сталкиваются с непреодолимым когнитивным и коммуникативным барьером. В повести ощущение еврейскими детьми своей *инаковости* связано в большей степени с экзистенциальными проблемами выбора не только родового, но и личного нового пути. Подобное состояние перехода выстраивает и психологию неукорененного героя. Важно, что в книге «Десять вагонов» черты еврейской идентичности в сценах до-приютской жизни (занятия в хедере, еврейские детские песни, идиш, распорядок

дня, подчиненный молитвам) переплетаются с излюбленной обэриутами темой игры — вся глава «Потешный бой» посвящена воссозданию взрослой войны, уже стоящей на пороге мирной жизни местечка. С одной стороны, традиция потешных сражений между хорошо организованными «армиями» мальчиков имеет давние корни, и Левин с точностью воссоздает характерную для его детства и детства всех мальчишек традицию. Создатели современного переиздания книги (основанной на первой редакции текста) ссылаются на воспоминания Полины Венгеровой [2], рассказывающей о своей жизни в Бресте в середине XIX в. Она подробно описывает сражение между двумя «армиями» мальчиков, происходившее на Тишебов (9-й день месяца ав, траур по разрушенному Иерусалимскому храму). В тексте Левина сохранены главнейшие черты таких сражений — деление на «главнокомандующих», генералов, офицеров и рядовых, самодельное оружие, заранее оговоренные правила, дата и место побоища, клятва.

С другой стороны, описание потешного боя играет важную роль в авторской концепции. Валерий Дымшиц отмечает концептуальную роль повести в общей «педагогической» линии русской литературы 20–30 гг., считая, что она принадлежит «к очень важному жанру довоенной советской литературы — сочинение о детском доме и его воспитанниках. Я бы назвал этот жанр “роман коллективного воспитания”. Самые известные его образцы — “Педагогическая поэма” А.С. Макаренко и “Республика Шкид” Л. Пантелеева и Г. Белых. Первая книга написана с точки зрения воспитателя, вторая — с точки зрения (трудно)воспитуемых. Несправедливо забытые “Десять вагонов” создают третью вершину этого треугольника, доводя его до исчерпывающей полноты: Дойвбер Левин пишет с точки зрения стороннего наблюдателя. Понятно, почему роман о коллективе сирот был так важен для раннесоветской утопии» [5, с. 32].

Детская литература в тесном сотрудничестве с педагогикой должна была воспитывать защитника завоеваний социализма, поэтому писатели литературной группы ОБЭРИУ, используя эстетику игровых шифров, создавали на страницах своих произведений образ *Infant ludens* — ребенка играющего — часто актуализировали тему милитаристских игр, но в коннотации «потешных боев».

Обэриутская *заумь* и *абсурдизм* не были востребованы в советской литературе 20–30 гг., экспериментальные произведения «чинарей» не печатали, и тогда возникла целая линия произведений для детей. Хармс, Введенский, Заболоцкий и другие обэриуты пишут стихи и рассказы о «детском мире», об играх, о мальчиках и девочках, которые играют, учатся и просто живут в обычном мире обычного детства. Дойвбер Левин тоже включается в эту творческую линию, но его произведения о детях встраиваются в сложную авторскую «прозу еврейской жизни» и приобретает очень серьезное звучание.

Например, в его сюжетах в детской игре в войну в сравнении со взрослой сохраняется внешняя форма, приложение серьезных физических и умственных усилий, но игре необходим или романтизм, или радость от процесса (а не результата) игры. Левин соединяет обэриутскую тему с еврейской и приводит романтический текст боевой клятвы в верности, которую дает Борис Рутман при вступлении в одну из «армий». Заканчивается она древнееврейской фразой «хазак ва-хазак», означающей «крепко-накрепко».

Обэриутская поэтика «клоунских реприз» в тексте «Десять вагонов» проявляется и в трагикомических диалогах, внешне юмористических, но в сути оттеняющих несчастную судьбу сирот:

- Это не дом, — сказал одноногий. — Это штукатурка.
— А штукатурка, по-твоему, не дом? — сказал белобрысый.
— Штукатурка не дом, — сказал одноногий.
— А кирпичи — дом?
— Дом.
— А полы — дом?
— Дом.
— А потолки — дом?
— Дом.
— А штукатурка — не дом?
— А штукатурка не дом.
— А ты дурак! — сказал белобрысый.
— А ты!.. — крикнул одноногий [14, с. 27–28].

Дымшиц считает, что «творчество Дойвбера Левина интересно во многих отношениях. Но, кроме всего прочего, оно позволяет еще раз поговорить о проблеме “русско-еврейской литературы” — проблеме, приобретшей в последнее время значительную, хотя, на мой взгляд, и ложную, остроту. Пространство прозы Левина — это пространство еврейского местечка, почти все его герои — не просто евреи, а «еврейские», местечковые евреи. Дойвбер Левин, несомненно, один из самых оригинальных и интересных ленинградских прозаиков 1930 гг., но можно ли считать его русско-еврейским писателем? Думаю, что нет. Он писал в тот период, когда имя Дойвбер выглядело не вызовом, а, как сказали бы нынче, «приколом»; когда сама по себе еврейская тема не декларировала никакой национальной идеи; наконец, он вовсе не обращался в первую очередь к еврейскому читателю» [6].

Современные исследователи транскультурной литературы считают, что «в результате процессов естественной транскulturации, обусловленной их полилингвальностью и полилитературностью, эти писатели создают особую модель национального материнского мира через условно чужой язык (как правило, для них это второй родной), обретающий статус ментальной идентичности. Транскультурный эстетизм определен целью представить ту или иную национальную картину мира через художественную миромодель. Главным становится вопрос — в системе какого языка. Не только в татарской литературе, но и в целом на постсоветском пространстве образовалось поколение писателей, образно репрезентирующих материнскую национально-культурную картину мира средствами нематеринского, но вторичного родного русского языка» [11, с. 19].

Один из первых теоретиков феномена транскультурных писателей, пишущих на русском языке и соотносимых с русским литературным процессом, У.М. Бахтикереева подчеркивает, что «в этой же общей “нерасчлененной русскоязычной массе” особняком стоят *нерусские россияне*, которых невозможно однозначно прикрепить к конкретному “этническому гнезду” и раз и навсегда обрядить в “национальную ‘смирительную рубашку’”, поскольку родители являются представителями разных этносов или сами же являются детьми от международных браков. Постсоветский социум имеет свой — не заемный опыт особого вида билингвизма, основанного на сплетении русского языка и культуры и сопряженных с ними иных национальных языков и культур» [1, с. 371].

На наш взгляд, писатель советского периода Дойвбер Левин по этническим и языковым характеристикам своего творчества вполне может быть соотносим с критериями транскультурной литературы. Основополагающим для его авторской поэтики

становится не лингвальный признак, а генетический миромоделирующий код, сопряженный с материнской еврейской культурой. Так, нарратив прозы Левина не исключает русско-еврейского билингвизма, пусть даже характеризующегося асимметричным взаимодействием языков. Интерференция русской и еврейской лингвокультур определяет специфику авторской транскультурации Дойвбера Левина.

По мнению М. Эпштейна, основным знаком такой литературы становится мифопоэтика:

Транскультура создает новые идентичности в зоне размытости и интерференции и бросает вызов метафизике самобытности непрерывности, характерной для наций, рас, профессий и других устоявшихся культурных образований, которые законеваются, а не рассеиваются в «политике идентичности», проводимой теорией многокультурия [12, с. 100].

Исследователь актуализирует принцип транскультуры «не дифференциации, а интерференции, “рассеивания” символических значений одной культуры в поле других культур» [13, с. 629].

Транскультурность, транслингвизм, эритажность, полиэтничность, представляющие в повести Левина «Десять вагонов» феномен русско-еврейского пограничья очень важны для проблемы идентификации особенностей «национальной межлитературной общности» (Д. Дюришин) [10, с. 13] в системе русской литературы. Выявленный нами в аналитике «прозы еврейской жизни» писателя полилог мировоззренческий, эстетический и/или языковой вне зависимости от присутствия писателя в пространстве русского литературного процесса концептуализирует его полидомность, поскольку художественная миромодель Левина формируется на пересечении «культурных голосов».

Список литературы

Исследования

- 1 *Бахтикиреева У.М.* Проект «современные тенденции билингвального образования в России и мире»: вместо послесловия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. №5. С. 366–374.
- 2 *Венгерова П.* Воспоминания бабушки: очерки культурной истории евреев России в XIX в. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2017. 349 с.
- 3 *Волович И.Г.* Хронотоп вагона в рассказе В. Распутина «Не могу-у...»: генезис и своеобразие // Творчество В.Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи: коллективная монография. М.: Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2012. С. 70–79.
- 4 *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо — Психо — Логос. М.: Прогресс: Культура, 1994. 479 с.
- 5 *Дымищ В.* Забытый обэриут // *Левин Д.* Десять вагонов. М.: Книжники, 2021. 315 с.
- 6 *Дымищ В.* Забытый обэриут. К 100-летию со дня рождения Дойвбера Левина // Народ Книги в мире книг. 2004. № 53 (октябрь). URL: http://narodknigi.ru/journals/53/zabytyu_oberiut/ (дата обращения: 10.02.2024).
- 7 *Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда / пер. с фр. Ф.А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995. 471 с.

- 8 *Киселев А.* Театр и его ОБЭРИУ // Петербургский театральный журнал. 2015. №3 (81). URL: <https://ptj.spb.ru/archive/81/walk-with-classics/teatr-iego-oberiu/> (дата обращения: 12.04.2024)
- 9 *Коган Е.* Торжество незначительности. «Лихово», Дойвбер Левин // ДодоПресс. URL: <https://dodopress.ru/> (дата обращения: 07.02.2024).
- 10 Особые межлитературные общности — 5. Диониз Дюришин и коллектив. Ташкент: ФАН, 1993. 156 с.
- 11 *Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешифидинов Ш.Р.* Транскультурная литература XXI века. М.: Юрайт, 2024. 235 с.
- 12 *Эпштейн М.* Говорить на языке всех культур // Наука и жизнь. 1990. №1. С. 100–103.
- 13 *Эпштейн М.* Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 862 с.

Источники

- 14 *Левин Д.* Десять вагонов: повесть для детей старшего возраста / рис. и обл. Л. Вольштейна. М.; Л.: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1931. 224 с.
- 15 *Левин Д.* Десять вагонов: Повесть: для старш. возраста / гравюры на дереве С.Б. Юдовина. 2-е изд., перераб. М.; Л.: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1933. 118 с.
- 16 *Левин Д.* Десять вагонов / предисл. и примеч. В. Дымшица. Москва: Книжники, 2021. 315 с. (Серия «Проза еврейской жизни»)
- 17 *Хармс Д.И.* Горло бредит бритвою: Случаи, рассказы, дневниковые записи / сост. и коммент. А. Кобринского, А. Устинова. М.: Глагол, 1991. 240 с.

© 2025. Yulia N. Kondrakova
Moscow, Russia

© 2025. Elizaveta V. Andreeva
Moscow, Russia

© 2025. Gulchira T. Garipova
Moscow, Russia

RETURN FROM OBLIVION: DOIVBER LEVIN AND HIS “TEN WAGONS”

Abstract: The paper deals with the issue of socio-cultural restoration and scientific research reconstruction of writers whose work was significant for the development of the Russian literary process of the 20th century, yet for historical and political reasons was forgotten. The study presents the phenomenon of “returned literature” based on the prose of a unique writer, removed from the history of the Russian literary underground of the 20–30s, Doivber (Boris Mikhailovich) Levin (1904–1941), representing the author's historiosophical concept of the Russian-Jewish *narrative of catastrophes*. We consider one of the most important novels “Ten Wagons” in terms of aesthetic author's

concept of “prose about Jewish life”, which allows us to outline the perspective of historical and literary priority analytical vectors in the further study of the work of the “forgotten” writer. The formal and substantive aspects of the “wagon” chronotope reveal the author's historiosophy of the Jewish ethnic group in the Soviet reality of the first years of its formation, the principles of transcultural and translanguaging modeling of “selected paradise”, the features of the figurative-metaphorical and genre-style system. Analytical references highlight the connotations of the biblical myth and detect providential semantics. The paper also explores controversial issues of the phenomenon of transcultural literature, and determines the possibility of linking them with the identification of the work of Doivber Levin, which, according to ethnic and linguistic characteristics, may correlate with the criteria of transcultural literature.

Keywords: Doivber Levin, the Story “Ten Wagons”, Cycle Formation, Author's Historiosophy, Prose of Jewish Life, Transcultural Literature.

Information about the authors:

Yulia N. Kondrakova — PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology and Linguo-culturology, Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya St., 35, bld. 2, 115035 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1296-675X>

E-mail: kondrakova.yulia@gmail.com

Elizaveta V. Andreeva — 1st Year Master's Student, Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya St., 35, bld. 2, 115035 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-5628-1436>

E-mail: elizandreeva@inbox.ru

Gulchira T. Garipova — DSc in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Moscow City University, 2nd Sel'skokhoziaistvennyi Pass., 4, bld. 3, 121069 Moscow, Russia, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya St., 10, bldg. 2, 117198 Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7675-2570>

E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Received: May 7, 2024

Approved after reviewing: December 1, 2024

Date of publication: June 25, 2025

For citation: Kondrakova, Yu.N., Andreeva, E.V., Garipova, G.T. “Return from Oblivion: Doivber Levin and his ‘Ten Wagons’.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 76, 2025, pp. 203–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-203-219>

References

- 1 Bakhtikireeva, U.M. “Proekt ‘sovremennye tendentsii bilingval'nogo obrazovaniia v Rossii i mire’: vmesto poslesloviia” [The Project “Modern Trends in Bilingual Education in Russia and the World”: Instead of an Afterword]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Series: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost' [Issues of Education: Languages and Speciality], no. 5, 2015. pp. 366–374. (In Russ.)
- 2 Vengerova, P. *Vospominaniia babushki: ocherki kul'turnoi istorii evreev Rossii v XIX v.* [Memories of Grandmother: Essays on the Cultural History of the Jews of Russia in the 19th Century] Jerusalem, Moscow, Gesharim Publ., Mosty kul'tury Publ., 2017. 349 p. (In Russ.)

- 3 Volovich, I.G. “Khronotop vagona v rasskaze V. Rasputina ‘Ne mogu-u...’: genezis i svoeobrazie” [“Chronotope of the Carriage in V. Rasputin's Story ‘I can't...’: Genesis and Uniqueness”]. *Tvorchestvo V.G. Rasputina v sociokul'turnom i jesteticheskom kontekste jepohi: Kollektivnaja monografija*. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2012, pp. 70–79. (In Russ.)
- 4 Gachev, G.D. Natsional'nye obrazy mira. Kosmo — Psikho — Logos. [National Images of the World. Cosmo — Psycho — Logos] Moscow, Progress: Kul'tura Publ., 1994. 479 p. (In Russ.)
- 5 Dymshits, V. “Zabytyi oberiut” [“The Forgotten Object”]. Levin, D. *Desiat' vagonov [Ten Wagons]*. Moscow, Knizhniki Publ., 2021. 315 p. (In Russ.)
- 6 Dymshits, V. “Zabytyi oberiut. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia Doivbera Levina” [“The Forgotten Object. On the 100th Anniversary of the Birth of Doivber Levin”]. *Narod Knigi v mire knig*. No. 53 (October). 2004. Available at: http://narodknigi.ru/journals/53/zabytyy_oberiut/ (Accessed 10 February 2024). (In Russ.)
- 7 Zhakkar, Zh.-F. *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda [Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-garde]*. St. Petersburg, Akademicheskii prospekt Publ., 1995. 471 p. (In Russ.)
- 8 Kiselev, A. “Teatr i ego OBERIU” [“Theatre and its OBERIU”]. *Peterburgskii teatral'nyi zhurnal*. No. 3 (81). 2015. Available at: <https://ptj.spb.ru/archive/81/walk-with-classics/teatr-iego-oberiu/> (Accessed 12 April 2024). (In Russ.)
- 9 Kogan, E. “Torzhestvo neznachitel'nosti. ‘Likhovo’, Doivber Levin” [“The Triumph of Insignificance. ‘Likhovo’, Doivber Levin”]. *DodoPress*. Available at: <https://dodopress.ru/> (Accessed 07 February 2024). (In Russ.)
- 10 *Osobyie mezhliteraturnye obshchnosti — 5. Dioniz Diurishin i kollektiv [Special Inter-literary Communities – 5. Dioniz Durishin and the Collective]*. Tashkent, FAN Publ., 1993. 156 p. (In Russ.)
- 11 Shafranskaia, E.F., Garipova, G.T., Keshfidinov, Sh.R. *Transkul'turnaia literatura XXI veka [Transcultural Literature of the 21st Century]*. Moscow, Iurait Publ., 2024. 235 p. (In Russ.)
- 12 Epshtein, M. “Govorit' na iazyke vsekh kul'tur” [“Speak the Language of all Cultures”]. *Nauka i zhizn'*, no. 1, 1990. pp. 100–103. (In Russ.)
- 13 Epshtein, M. *Znak probela: o budushchem gumanitarnykh nauk [The Space Sign: about the Future of the Humanities]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 862 p. (In Russ.)